

УДК 821.161.1.09+929М.Горький

Проблема крестьянства в мировоззрении и художественном творчестве М. Горького

Т. Д. Белова

Белова Тамара Дмитриевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, belovatdmit@yandex.ru.

В статье рассматривается одна из важнейших в социокультурной парадигме М. Горького и до сих пор сложно решаемая в нашем горьковедении тема крестьянства. Комплексное освещение проблемы «город и деревня», «крестьянство и революция» на материале биографических фактов, прозы, публицистики и переписки писателя 1920-х – начала 1930-х гг. опровергает устойчивый тезис о «нелюбви» или «недоверчивом» отношении Горького к мужику.

Ключевые слова: М. Горький, «О русском крестьянстве», «Мои университеты», «Дело Артамоновых», «Жизнь Клима Самгина», письма 1920–1930 гг.

The Issue of Peasantry in M. Gorky's World View and Oeuvre

T. D. Belova

Tamara D. Belova, <https://orcid.org/0000-0002-7826-6584>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, belovatdmit@yandex.ru

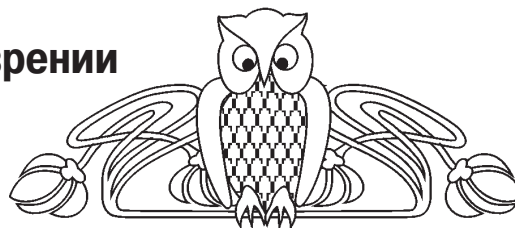
The article deals with the topic of peasantry – one of the most important topics in M. Gorky's socio-cultural paradigm, which still presents a challenge in M. Gorky's studies. The comprehensive coverage of the problems of 'town and country', the 'peasants and revolution' based on the biographical facts, prose, essays and the author's correspondence of the 1920s – early 1930s, conclusively disproves the persistent claim of Gorky's 'dislike' and his 'distrustful' attitude towards the peasant.

Keywords: M. Gorky, *On the Russian peasantry*, *My Universities*, *The Case of Artamonovs*, *Life of Klim Samgin*, letters of the 1920–1930s.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-4-443-449>

«Выдающийся вклад Максима Горького в отечественную и мировую культуру»¹, несмотря на многолетние разночтения, голословные обвинения и вкусовые предпочтения, невозможно переоценить. М. Горький – ключевая фигура XX столетия и наше национальное достояние.

О Горьком-мыслителе и художнике спорили всегда. Камнем преткновения для критиков и истолкователей был синтез горьковского художественного стиля, «противоречивость» художника и публициста, несовпадение «между его сердечным чувством и доводами разума»². Одним из наиболее устойчивых остается тезис,

будто Горький «всегда относился с недоверием к русскому крестьянству» и только в «конце жизни писатель, поверив в социальные преобразования в деревне, примиряется, наконец, с крестьянством, с русским народом, и, наоборот, глубоко разочаровывается в боготворимой им ранее интеллигенции»³. К сожалению, игнорируется давно отмеченный факт, что Горький неоднократно говорил об ошибочном отношении Советской власти к интеллигенции. Воспринимая раскол среди интеллигенции политически неизбежным, он был твердо уверен в том, что «люди науки и техники – такие же творцы новых форм жизни, каковы Ленин, Троцкий, Красин, Рыков и другие вожди <...> революции»⁴. Продолжая свой ответ ежедневной берлинской газете «Накануне», финансируемой Советским правительством, М. Горький убежденно сказал: «...разумные и честные люди, для которых "благо народа" не пустое слово, <...> могли бы договориться до взаимного понимания единства их цели»⁵.

Характерно, что в начале 2000-х гг., в условиях нового времени, Г. С. Зайцева предложила «вернуться к "больной" горьковской теме, теме крестьянства, и углубиться в нее в поисках объективной истины; <...> пойти путем комплексного использования традиционных, проверенных наук принципов, методов исследования...», анализа «исторических источников, пропущенных в разное время через сознание писателя, чтобы понять логику его отношения к российской деревне, её будущему»⁶.

Казалось бы, обоснованные положения об издержках в использовании биографического метода, закрепившего формулу «об особом недоверчивом отношении Горького к русскому крестьянству в 1920-е годы» [14, 661], призыв Г. Зайцевой принять во внимание горьковский «общий философский взгляд на институт собственности» (у Горького, «**инстинкт**». – Т. Б.), на неизбежность широкого историко-литературного контекста, учитываемого Горьким, по словам которого, «всюду писатели изображали крестьянина человеком», тяжело обремененным «каторжной работой на своей ничтожной полоске земли»⁷, – версия последних лет о недоверчивом и даже ошибочном отношении Горького к крестьянству⁸, о нелюбви его к мужику, к сожалению, доминирует.

В этом же русле и первая у нас републикация в журнале «Огонек» статьи М. Горького «О

русском крестьянстве» (Берлин, 1922)⁹. Её цель – «закрыть очередное "белое пятно"»¹⁰ в представлениях Горького о революции, «а главное, о русском народе»¹¹, и положить «хотя бы временный, промежуточный предел спорам» о заблуждениях, высказанных писателем «с такой силой», и пролить «наконец свет на истину»¹². Однако помещенный здесь же комментарий Б. Можаяева, оппонента Горького через семьдесят лет, не только не положил «предел спорам» о горьковском отношении к крестьянству, но усилил негативный крен обвинений писателя, совершившего-де «чудовищные преступления <...> против своей нации»¹³.

Потребовалось еще двадцать лет, чтобы более спокойно подойти к осмыслению концептуальной статьи М. Горького из далекого пореволюционного времени. Обнародованные в Интернете в 2010 г., в период нового осмысления горьковского наследия, текст статьи и размышления К. Карпова «О русском крестьянстве»¹⁴ позволили автору публикации сделать важный акцент: в статье 1922 г. Горький «говорил о революции откровеннее, чем где-либо еще»¹⁵. Действительно, в личных беседах, в письмах 1919 – начала 1920-х гг. писатель сокрушался о том, что «революция выродилась в борьбу деревни с городом» [13, 41], говорил о других «прегрешениях и ошибках» большевиков: «Коммунисты – ссорятся, левые и правые, а мужик – притаился и молчит, ожидая, когда придет час его торжества» [14, 291]. По справедливому наблюдению К. Карпова, «если тема "интеллигенция и революция" – из разряда вечных, то "крестьянство и революция" – это то, о чем многое еще не сказано»¹⁶. Правда, тут же он впадает в другую крайность, полагая, что Горький «живописует варварство и отсталость крестьянской массы», как бы подсказывая «читателю, что искоренить это зло возможно только чрезвычайщиной»¹⁷. И с этим нельзя согласиться: Горький никогда не был сторонником чрезвычайных мер. «Жестокость – вот что всю жизнь изумляло и мучило меня. В чем, где корни человеческой жестокости? Я много думал над этим и – ничего не понял, не понимаю»¹⁸, – признавался автор статьи, предвидя несправедливые обвинения в свой адрес.

Думается, здесь нет нужды говорить о печальном опыте «общения» будущего писателя с крестьянами во время его хождений по Руси, о смертельной опасности, которой подверглись автор-повествователь в «теневого картинке» «Вывод» (1895) и автобиографический герой повести «Мои университеты» (1922). Безусловно, эти и подобные факты безучастной, а то и враждебной реакции хозяев крепких деревенских дворов на просьбу о работе ради куска хлеба не могли не оставить своего следа в памяти путника, одержимого одной целью: узнать, как живут люди, учиться и по возможности «учить других»¹⁹. Но горьковские воззрения на эту социокультурную

проблему и в дореволюционной, и в советской России не ограничивались рамками его сугубо личных переживаний и обид. Уже тогда, на рубеже 1880–1890 гг., общественное, социокультурное преобладало в сознании будущего писателя над личным. Естественно, что крестьянки украинского села Кандыбино много лет спустя, в 1935 г., обратились к автору «Вывода» со словами благодарности к защитнику женщины-рабыни (II, 595–598).

Вспоминая о жизни в Красновидове, его богатеях, творивших горожанам подлости, автор «Мои университеты» с нескрываемой симпатией рассказал о молодом, степенном Панкове, любознательном Кукушкине и красавце-рыбаке Изоте, дружелюбно настроенных к пришельцам из города. Сочувствием окрашен трагический финал убитого односельчанина Изота, в памяти осталась его «приятная и трогательная наивность, что-то прозрачное, детское» (XVI, 97). Здоровое явление русского крестьянского мира, отмеченное Ромасем («Очень способный народ!» – XVI, 87), представлено автором в образе независимого, самостоятельного в своих решениях молодого хозяина дома, который смог противостоять не только отцу, но и сельским «законодателям». Импонирует безземельный Кукушкин, «хорошей души» человек: «Умный по природе своей, он быстрее всех схватывает существование в рассказах Хохла» (XVI, 101), – так характеризует повествователь батрака, отмечая его разносторонние навыки: «...он бондарь, печник, знает пчел, учит баб разводить птицу, ловко плотничает...», хотя вместе с этим «работает он копотливо, неохотно» (XVI, 100).

Опубликовав в одно время «Мои университеты» и брошюру «О русском крестьянстве» (1922), Горький навлек на себя гневные обвинения критиков-эмигрантов, что не удивительно. Пеняли ему и люди из руководства страны (Н. Бухарин, К. Радек и др.) [19, 133, 738]²⁰. Даже А. Воронский утверждал, что Горький «слишком и несправедливо пристрастен к нашему "мужичку"»²¹. Не заметил товарищ по перу интонацию рассказа о «памятных вечерах» в Красновидове, когда трое «приятелей» внимательно слушали беседу крутолобого человека: «у всех хорошие глаза, умные лица» (XVI, 102).

Не услышаны были лирически окрашенные авторские пояснения причин горестных фактов деревенского быта и в повести, и в статье, которая начинается признанием в том, что писатель основывается на личных впечатлениях от встреч с крестьянами, от рассказов очевидцев. Акцентируя печальную реальность изображенных далее картин кровавых расправ во время гражданской войны, он обратился с просьбой: «...прошу понять, что я никого не осуждаю, я просто рассказываю, в какие формы сложилась масса моих впечатлений. Мнение не есть осуждение, и, если мои мнения окажутся ошибочными, это меня не

огорчит»²². Понимая сложность поднятой темы, Горький готов признать сгущенность фактов вопиющей жестокости участников Гражданской войны с обеих сторон. Заканчивая горестные раздумья, писатель снова уточнил: «...не следует принимать ненависть к подлости и глупости за недостаток дружеского внимания к человеку. Я очертил – так, как я её понимаю, среду, в которой разыгралась и разыгрывается трагедия русской революции»²³. Характерно, что и в 1928 г. он обращал внимание писательской интеллигенции на грозное «и все более углубляющееся разноречие между городом и деревней» [18, 95] как явление, опасное для судьбы революции.

Переживая за судьбу идей «этического социализма», за судьбу страны, вступившей на путь «очистки авгиевых конюшен русской жизни»²⁴, автор статьи, не во всем согласный с большевиками, все же высказал тревогу и за «вождей революции», хотя не отрицал того, что «политики наиболее грешные люди из всех окаянных грешников земли, потому что действуют, руководствуясь иезуитским принципом "цель оправдывает средство"»²⁵. В ответ на слова крестьян об интеллигенции, которую «надо срезать» с земли как ненужный сор, Горький-«попутчик» – в условиях диктатуры пролетариата – смело выступил в защиту культурных людей, большинства «русской активной интеллигенции»²⁶, которая «всегда подчиняла вопрос качества жизни интересам и потребностям количества первобытных людей»²⁷, доказывая, что «ценою гибели интеллигенции и рабочего класса русское крестьянство ожило»²⁸. Сравнение текстов статьи и повести «Мои университеты» как будто обнаруживает словесные, смысловые, тематические переключки, прежде всего, в выявлении причин вражды деревни к городу, который являет собой «неугасимый костер требовательной, все исследующей мысли»²⁹, мастерскую, «где непрерывно вырабатываются новые идеи, машины, вещи, назначение которых – облегчить и украсить жизнь народа»³⁰. Вместе с тем симптоматично признание Ромаса, героя повести: «Земля здесь хуже, чем у нас, на Украине, а люди – лучше. Очень способный народ!» (XVI, 87).

В целом же тематика статьи значительно шире. Используя публицистический прием открытого и сжатого изложения своих мыслей и сказанного другими, Горький в небольшой по объему брошюре сумел поведать о многом, к чему вернется в конце 1920-х гг., настаивая в письмах на неотложном издании «Истории Гражданской войны», что свидетельствует об устойчивости его видения причин трагических событий в истории молодой Страны Советов, пережившей подавление антоновского мятежа, трагедии восстания кронштадтских моряков. Создавая художественный образ типичного русского волжского села на берегу величавой русской реки, автор «Моих университетов» и здесь

стремился показать истоки сопротивления новому со стороны «бедной разумом» жизни села. Они – в безысходности разомкнутого пространства полей, в чувстве неподвижности «ночной мглы», в привычке жить «ощупью, как слепые», в непрерывном, каторжном труде «угрюмых» людей.

Вместе с тем временная дистанция, отделяющая автора от героя-повествователя, помогает ему сказать о потенциально таящейся в глубине сознания определенной части крестьян тяги к лучшему. О стремлении их к социализации говорит готовность нескольких мужиков создать в Красновидове «артель садовладельцев»: «Хохол почти уже наладил её при помощи Панкова, Сулова и еще двух-трех разумных мужиков» (XVI, 112). Объективная манера письма, которую Горький начал вырабатывать в 20-е гг., его исторический кругозор и глубокое понимание реальности, светлый взгляд на мир обусловили поэтически освещенные пейзажи: яблоневые сады в цвету, пеньё соловьев и «высокий, волнующий голос Мигуна», который «изумительно красиво пел хорошие песни» (XVI, 107). Это создает иную ауру деревенского мира. В нем свои токи жизни, рождаемые людьми, наделенными от природы чувством красоты, незлобивой мудростью, деловитостью и сноровкой, способностью воспринимать «душеводительные» беседы истинного интеллигентного народника Михаила Ромаса.

Как следствие повседневного общения с Хохлом – открылось юному повествователю новое видение окружающих его обитателей Красновидова. Пережив ужас организованного пожара в лавке Ромаса и жестокость готовых на расправу крестьян, автор признался: «...я видел, что в каждом из этих людей, взятом отдельно, не много злобы, а часто и совсем нет ее. <...> любого из них нетрудно заставить улыбнуться детской улыбкой <...> Странной душе этих людей дорого всё, что возбуждает мечту о возможности легкой жизни по закону личной воли» (XVI, 131). Рассуждения юноши о страшной метаморфозе людей на сходке или в трактире на берегу, когда они, собравшись «серой кучей, <...> прячут куда-то всё свое хорошее и облачаются <...> в ризы лжи и лицемерия» (XVI, 131), были восприняты и оценены интеллигентом с неодобрением: «Преждевременный вывод» (XVI, 131), неверный и неосновательный. Как комментарий и подсказка читателям горьковской злополучной статьи прозвучал совет Ромаса: «Не торопитесь осуждать! Осудить – всего проще, не увлекайтесь этим» (XVI, 131).

Мысль о герое из деревни, способном коренным образом изменить свою жизнь, получила у Горького художественное воплощение еще в начале XX в. На страницах журнала «Жизнь», в мартовской и апрельской книжках за 1900 г., публиковались главы из повести «Мужик», вызвавшие активный критический резонанс³¹. Задуман-

ная как «весьма громоздкая затея, листов на 20» [16, 219–220], повесть не была завершена по ряду причин. Ее герой Аким Шебуев – незаурядная личность: крестьянский сын, изведавший в детстве немало горя, страданий и унижений, сумел выучиться на инженера. Появившись в провинциальном городе, архитектор Шебуев привлек внимание местной интеллигенции своей готовностью строить театр, библиотеку, призывами помнить о «братьях по крови», думать о гармонически развитой личности. Тип архитектора из народа, как и другие типы демократической интеллигенции, их споры о месте в жизни общества затем получают свое развитие в сюжете «Жизни Клим Самгина», а тип Шебуева, строителя, а не разрушителя, трансформируется в колоритном образе культуртрегера Тимофея Варавки.

В повести «Трое» (1901) Горький вывел другой тип выходца из деревни. Пленник инстинкта собственности, крестьянский сын Илья Лунев, отказавшись от общения с кружком местных интеллигентов (Соня Медведева и др.), слишком поздно понял свою трагическую ошибку. Выработанная годами вера писателя в духовную эволюцию народа под влиянием интеллигенции художественно воплотилась в ранних рассказах: «Исключительный факт» (1893), «Ма-аленькая!» (1895), в повести «Мать» (1907). Попытка материализовать дорожку его сердцу идею в занятиях со слушателями Каприйской школы пропагандистов-просветителей, с которыми Горький связывал большие планы по преобразению «невероятно запутанной русской жизни» [10, 316], рухнула вследствие закрытия школы из-за вмешательства Ленина: «...померла моя надежда № 101-й» [7, 229], – с горечью написал он по этому поводу в декабре 1909 г.

С этого момента, надо полагать, и укрепилось сомнение Горького в правоте ленинского курса на революцию в стране яростно противоборствующих партий, где крестьянство составляло три четверти населения, далекого от идей социализма. Свое несогласие с программой большевиков, с действиями Советской власти он мужественно высказывал в цикле статей «Несвоевременные мысли» в 1917–1918 гг. на страницах газеты «Новая жизнь», закрытой в июле 1918 г. Изданные отдельной книжкой в Берлине (1918) и в Петрограде (1918), они хранились у нас на полках спецхрана до 1989 г. Непризнанный защитник идеи «этического социализма», как следует из письма Горького к Р. Роллану от 25 января 1922 г. [14, 25–27], встревоженный за судьбу революции и культуры, организатор и руководитель издательства «Всемирная литература», Дома ученых, Комиссии по улучшению быта ученых (ЦеКУБУ) и ряда других инициатив, М. Горький вынужден был выехать за границу. Лишенный возможности активно вмешиваться в процесс строительства новой жизни, теперь он мог свободно выражать в художественном и

публицистическом слове свое видение исторической российской действительности как в ретроспективе, так и в перспективе, не оставляя за пределами внимания тему революции и тесно связанную с ней тему крестьянства в его историческом развитии и социально-экономическом разветвлении.

Об этом, судя по письму к Н. К. Крупской (16.05.1930), Горький говорил с Лениным в 1920 г., рассказав ему о замысле романа, посвященного столетней истории одной крестьянской семьи, которая произвела из своего корня чиновников, попов, фабрикантов, петрашевцев, нечаевцев, даже восьмидесятников [19, 298]. К 1924 г. мысль писателя об исторических корнях русского крестьянства облеклась в сюжет романа «Дело Артамоновых» (1925). Ставшая концептуальной у Горького, проблема эта вскоре завладела и К. Фединым, по-своему воплотившим крестьянскую тему в романах «Города и годы» (1924), «Братья» (1928) и других произведениях.

На родине писателя «Дело Артамоновых», хотя и вызвало в 20-е гг. то восхищенные, то недоуменные, а то и резко негативные отзывы (Н. Чужак, В. Вешнев, А. В. Луначарский и др.) (см.: XVIII, 518–520), впоследствии рассматривалось как образец социалистического реализма, как произведение о крушении капиталистов и росте рабочего класса. Между тем пафос горьковского нового романа не соответствовал принципам исторического оптимизма как основного в новом художественном методе. Знакомый с семьями русских промышленников, выходцев из крестьян, в основу сюжета Горький положил героическую линию бывшего крепостного, крепко стоящего на ногах основателя фабричного дела. Энергичный, мыслящий масштабно, Илья Артамонов не случайно показался К. Федину «поистине великолепным» (XVIII, 512) стариком, а Р. Роллану – «неотесанным предшественником Советской России» (XVIII, 515), т. е. человеком, нужным в деле строительства народного хозяйства³². Остановившись в преддверии новой исторической вехи (октябрь 1917 г.), автор, благодаря остро развитому чувству реальной российской действительности, вплел в художественную ткань романа сюжетную линию Тихона Вялова. Персонаж с говорящей фамилией, проживший десятилетия рядом с Артамоновыми, соединил в себе пассивное начало и непреклонность выразителя умонастроений патриархального крестьянства, известного своим сопротивлением всему новому: будь то насаждение картошки во времена Екатерины II или борьба рабочих за социальное равенство. Символическая фигура защитника вековых устоев не сразу привлекла внимание и не была понята отечественными читателями и критикой. По свидетельству Горького, лишь французский писатель Ж. Жироду «оценил правильно» Тихона, да Р. Роллан, которому был посвящен роман, после прочтения написал, что

«тип Вялова заставил понять, как трагически тяжела задача большевизма» (XVIII, 516).

Новый период горьковского видения и воплощения проблемы крестьянства начинается после его поездки по Союзу Советов летом 1928 года. Относительно тесное общение с новой советской повседневностью открыло наблюдательному писателю не только примеры героического в пореволюционном десятилетии, но и «все более углубляющееся разноречие между городом и деревней» [18, 95]. Включившись в многотрудные издательские, литературные дела, связанные с организацией журналов («Наши достижения», «Литературная учеба», «За рубежом», «На стройке» и т. д.), Горький неоднократно указывал на недостаточно серьезное внимание собратьев по перу к крестьянству, которому, по его мнению, в обновлении жизни страны принадлежала **немаловажная роль** [18, 94, 95]. В письме к П. С. Когану (22.09.1928), после четырехмесячного пребывания на родине, он сетовал: «Плохо понимаю я, что тут, у Вас, делается. Издаются десятки книг», не имеющих отношения к проблемам современности, а – «чтоб написали и напечатали “Историю гражданской войны”, для крестьян брошюру “Что дала крестьянству Советская власть” <...> и ряд других книг, для массового читателя необходимых, – не могу добиться издания таких книг!» [18, 43].

В письмах к Сталину два года спустя, от 5 и 7 июня 1930 г., та же забота: настаивая на неотложном издании серии «История Гражданской войны», Горький подчеркивал ее важность «для <...> социалистического воспитания крестьянства» [19, 317]. «Крестьянская и рабочая молодежь, – писал он, – должна знать цели, ради которых помещики и фабриканты пытались руками крестьян вырвать политическую власть, захваченную рабочими» [19, 318]. Признавая, что в «огромном большинстве своем крестьянство боролось, конечно, не за социализм, не за идею “нового мира”, а за свою избу, лошадь, корову» [19, 322], писатель видел причину неустойчивости «партизанских отрядов» в слабо развитом социальном чувстве участников борьбы с «мироедами», образы которых он вскоре запечатлел в рассказе «Бык» (1935).

В ситуации усилившихся массовых протестов крестьян против увеличенных хлебозаготовок «любым путем», как заметила Н. Примочкина, противник репрессивных мер³³, Горький назвал статью Сталина «Головокружение от успехов» «умной вещью» [19, 254] и вместе с тем поддержал издание рассказов Н. Успенского, который «деревню не обожал, относился к ней весьма критически» [19, 288]. Фактами жестоких расправ с хлебозаготовителями, убийств селькоров, пропагандистов на местах вызваны были его пояснения: «В наши дни такое отношение к мужичку весьма полезно, <...> ибо некоторые факты поведения мужичка, возбуждая тем-

ные надежды мещанина, весьма радуют его» [19, 288]. Как видим, протестное движение крестьян, по Горькому, невольно вдохновляло мещанство, непримиримого врага всего нового.

Многие письма М. Горького конца 1920-х – начала 1930-х гг., изданные во второй серии его Полного собрания сочинений в 2016–2018 гг., проникнуты эмоциональным откликом на события крестьянской жизни. Узнав от селькоров, что крестьяне перестали рвать «Крестьянскую газету», убедившись в том, что она стала «действительно массовым изданием» [16, 830], Горький еще из Сорренто в июне 1927 г. написал: «...ни одно из “культурных” государств Европы не может похвастаться такой всесторонней и умной заботливостью о культурных нуждах крестьянства» [16, 367]. По приезде летом 1928 г. на родину он стал лично помогать жителям отдельных деревень в открытии изб-читален, яслей, в покупке техники; призывал ученых помочь крестьянам научиться обрабатывать землю, заставить ее работать на крестьянина. В письме к Д. А. Лутохину (18.07.1930) читаем: «Да не покажется Вам это парадоксом, но я уверен, что в истории человечества не было еще столь сокрушительного удара по психике человека, как – комбайн. Я видел, как мужики впервые знакомились с его работой...» [19, 357]. Мужик, по Горькому, далекий от технических открытий, «страшно на земле, он – голый в земле. И вот он видит, что можно освободиться от каторги крестьянства. Это поистине, переворот, это – начало иного, более интенсивного горения мозга» (курсив автора. – Т. Б.) [19, С. 357].

После неоправданных обвинений Горького в «раскрестьянивании» русской деревни отрадный факт признания нашим исследователем того, что писатель был сторонником воспитательных мер в отношении русского крестьянства, что он был убежден: «коллективизация должна проходить на добровольных началах»³⁴. Всемерно стараясь укрепить дух советского крестьянства, повернувшегося лицом к колхозной форме производства, он вместе с тем с грустью писал о жизни итальянских крестьян: «Я живу среди крестьян еще более диких, чем наши. Я вижу, как мало они имеют, как много им надо. Их не толкают в шею к новой жизни <...> Это – очень несчастные люди, тем более несчастные, что они только что – и с ужасом – начинают чувствовать это» [19, 357]. Характерно, что и в итоговой книге, рисуя умиротворенный сельский пейзаж страны Суоми в восприятии Клима Самгина, автор заключил, что «серьезная тишина» в стране Юмала и Укко не была тишиной «пустоты и усталости русских полей, она казалась тишиной спокойной уверенности коренастого молчаливого народа в своем праве жить так, как он живет» (XXII, 173).

Прежде принципиально не спешивший оценивать советскую действительность в художественном слове, в 1930 г. Горький написал для журнала «Наши достижения» цикл «Рассказы о

героях», осветив «геройство масс, мало заметное в обыденной жизни» (XX, 607). Отличительная особенность рассказов – в непредвзятом, правдивом изображении темных и светлых сторон советской деревенской повседневности, в выявлении трудного роста человека нового сознания, который, преодолевая «самоколебания», «по-маленьку» освобождается от внутренней неустойчивости и начинает понимать «свою задачу».

Их автору важно было показать в действии женщину, которая быстрее других поняла, как изменить жизнь: «...первое дело – быт надо перестроить и начинать надо с баб, потому что быт – на бабьей силе держится, на её крови-поте» (XX, 316). Всем существом крестьянка приняла мысль Бебеля: «...без женщины социализма не построить» (XX, 317), осознала свою роль в обновлении жизни, свое право «встряивать» мужчин-«укомцев», искать помощи в решении наболевших вопросов «в губкоме», преодолевая для этого расстояние в шестьдесят, а то и в триста шестьдесят верст. Таков гендерный аспект горьковского видения социокультурной проблемы нового времени, новой повседневности в деревне.

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что, не исключая биографического, глубоко заинтересованного авторского отношения к названной проблеме, она у Горького, претерпев некоторую эволюцию, всегда была неразрывно связана с темой родины, судьбой русского народа, который он любил, сострадая русским людям, живущим беднее европейских с их «величественным хозяйством»³⁵. Отсюда – особое историософское и социокультурное наполнение темы в сознании и творчестве писателя-гражданина. Горьковское глубокое волнение за судьбу социалистической революции было вызвано явлениями непонимания многими крестьянскими массами сути происходящих перемен в стране, бедственной атрофии чувства родины в совокупности с «депотизмом невежества» победителей на местах.

По воспоминаниям К. А. Федина, выступая в Ассоциации пролетарских писателей в Петрограде (1920), Горький призывал собратьев по перу, призванных революцией, «искать пути к слиянию с крестьянской массой»³⁶, говорил об опасности мессианских представлений, будто «только пролетариат – творец духовных сил, что только он – соль земли»³⁷. Не найдя тогда отклика у писателей «революционного призыва», единодушно оспоренный после ухода, Горький, художник и публицист, мастер эпистолярного жанра, мучительно переживавший тревогу «за судьбу культуры, за будущее нашей страны»³⁸, за судьбу нашего «неустойчивого социализма», упорно продолжал бить в набат,

Примечания

¹ Указ Президента Российской Федерации № 360 от 13 июля 2015 г. «О праздновании 150-летия со дня

рождения Максима Горького» // «Мировое значение М. Горького» (К 150-летию со дня рождения) : Международная научная конференция 27–30 марта 2018 г. ИМЛИ имени А. М. Горького РАН, Фонд «Русский мир». Аннотация научных докладов. М., 2018. С. 1.

² Примочкина Н. Антиномия «Восток – Запад» в мировоззрении и творчестве М. Горького // Изв. РАН. Серия литературы и языка. 2005. Т. 64, № 1. С. 16.

³ Там же. С. 21.

⁴ Горький М. Полн. собр. соч. Серия II. Письма : в 24 т. Т. 14. М., 1997. С. 766. В дальнейшем ссылки на письма Горького даются по этому изданию с указанием тома и страницы арабскими цифрами в квадратных скобках.

⁵ Цит. по: Эрдэ Д. Максим Горький и интеллигенция. М., 1923. С. 6.

⁶ Зайцева Г. О методологии и перспективах исследования «проблемы крестьянства» в творчестве М. Горького // Максим Горький-художник : проблемы, итоги и перспективы изучения. Горьковские чтения – 2000 : материалы Междунар. конф. Н. Новгород, 2002. С. 13, 20.

⁷ Там же. С. 18.

⁸ См.: Примочкина Н. Трагическая ошибка Горького // Молодая гвардия. 1991. № 3. С. 258–268 ; Ее же. «...пишу Вам, потому что Вас очень люблю и ценю» (Письма Н. И. Бухарина Горькому) // Время Горького и проблемы истории. Серия «М. Горький. Материалы и исследования». Вып. 14. М., 2018. С. 152–153.

⁹ См.: Горький М. О русском крестьянстве // Огонек. 1991. № 49. С. 9–13.

¹⁰ Там же. С. 9.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Можжаев Б. Я теряюсь... // Огонек. 1991. № 49. С. 13.

¹⁴ Горький М. О русском крестьянстве. URL: http://www.interlos...om_krestjanstve.html (дата обращения: 17.09.2018).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Горький М. О русском крестьянстве // Огонек. С. 10.

¹⁹ Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения : в 25 т. М., 1968–1976. Т. 1. С. 13. В дальнейшем ссылки на художественные тексты даются по этому изданию с указанием тома римской цифрой, страницы – арабской в круглых скобках.

²⁰ Письмо Н. Бухарина Горькому (май, 1922), в котором сообщалось: «Нас всех очень огорчила Ваша статья... “Известия” начали против Вас атаку» (Примочкина Н. «...пишу Вам, потому что Вас очень люблю и ценю» (Письма Н. И. Бухарина Горькому). С. 65).

²¹ Воронский А. О Горьком (М. Горький. Собрание сочинений, т. XVI, XVII, XVIII, XIX) // Воронский А. Литературно-критические статьи. М., 1963. С. 382.

²² Горький М. О русском крестьянстве // Огонек. С. 9.

²³ Там же. С. 12.

- ²⁴ Горький М. О русском крестьянстве // Огонек. С. 12.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Подробнее об этом см.: Белова Т. Проблема формирования новой интеллигенции в повести М. Горького «Мужик» (История создания и проблематика незавершенного произведения) // Учен. зап. МОПИ. Т. 223. Советская литература. Вып. 9. М., 1968. С. 3–22.
- ³² См.: Белова Т. «Дело Артамоновых»: концепция жизни, человек и мир в романе // Человек и мир в творчестве М. Горького. Горьковские чтения 2006 г. : материалы Междунар. конф. Н. Новгород, 2008. С. 25–34 ; *Ее же*. Горький (1868–1936) // История русской литературы XX века : в 4 кн. Кн. 2. 1910–1930-е годы. Русское зарубежье : учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. Л. Ф. Алексеевой. М., 2012. С. 98–124.
- ³³ См.: Примочкина Н. «..пишу Вам, потому что Вас очень люблю и ценю» (Письма Н. И. Бухарина Горькому). С. 153, 155.
- ³⁴ Там же. С. 155.
- ³⁵ Горький М. О русском крестьянстве. С. 10.
- ³⁶ Федин К. Горький среди нас. Картины литературной жизни. М., 1967. С. 22.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же. С. 23.

Образец для цитирования:

Белова Т. Д. Проблема крестьянства в мировоззрении и художественном творчестве М. Горького // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 443–449. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-4-443-449>

Cite this article as:

Belova T. D. The Issue of Peasantry in M. Gorky's World View and Oeuvre. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 443–449 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-4-443-449>